

Как-то после покосной поры собрались двое наших бондарей в Арзамас кадки да бочонки продавать. Поднялись мужички ранёхонько, впрягли лошадёнку в телегу, навалили посудин, так что только самим присесть место осталось, прихватили на перекус снедь нехитрую да по летнему утречку и поехали. В один конец — день проедешь, в обратный конец — ещё день. Они подгадали так, чтобы добраться в город до темна, заночевать, а на другой день скоренько сбывать товар торгашам — да и в обратный путь пуститься.

Надо сказать, что у нас всякий друг дружку хорошо знал, а эти и вовсе с детства приятелями были, хоть и жили на разных концах села. Им, видишь, уж каждому лет по тридцать с гаком, оба семейные мужики, у обоих жёны, дети и хозяйства справные. Один-то, Сергун Ванюгин, — суровый да жёсткий мужик, ухватистый, такой свою выгоду не упустит. Другой, Стенька Шишов, — тот чуть поспокойней норомом-то, но тоже с искрой в сердце, ежели разбередить его — так полыхнуть может, что мало не покажется. Предки-то его родом из муромы сами, из беглых, к Емельяну Ивановичу примкнули в своё время, да после того, как разбили их воинство, они умудрились улизнуть, ну и прибились, видно, к нашей деревеньке-то. С тех пор и живут у нас, не тужат.

Пока мужички-то по утренней росе ехали — озябли малость. Ёжились всё в суконные кафтаны да брови супили, а как летнее солнышко в силу вошло да припекать стало, оживились, скинули кафтаны и разговорились мало-помалу. Едут так-то, болтают о том о сём: о покосах да хлебах, о том, кто как кадки колотит, а как закончили трёп, так песни запели. Наши-то песни, Ардатовского края, всё протяжные да заунывные. Как заведёшь — не то плакать, не то выть:

Как из Вилеевской деревни,
Из-под Мухтолова-села,
К вам в Ардатов я приехал
Нажить денег без труда...
...В воскресенье мать-старушка
К воротам тюрьмы пришла —
Своему родному сыну
Передачку принесла...
...А привратник усмехнулся:
«Тут давно такого нет.
Твоё сына расстреляли,
Он отправлен на тот свет...»

Или такая:

Во городе в Ардатове
Беда у нас была:
Молоденька девчоночка
Сыночка родила,
Во три часа полуночи
Топила у реки.
Заметили девчоночку
Младые рыбаки...
Не надо бы девчоночке
На игрищах кутить,
Не надо бы, молоденькой,
Басурмана любить.

Попели так-то и даже сплюнули в сердцах:

— И что это у нас за песни поганые такие?! Откуда их бабё-то наше берёт? Неужто наш молодняк на этикие дела способный?

Забранились мужики. Им, видишь, эти страсти неведомы, потому как наша-то сельская молодёжь в чистой и исконной вере живёт от рождения. Шалят, конечно, бывает: ворожат девки на Святки, да ведь не взаправду, а всё

смеха ради; ребята могут помутузить друг дружку у плетня, да, глядишь, на другой день они уж обнявшись идут. Ну и конечно, лабунятся¹ парни к девахам, но от стариковского догляда не скроешься, старичьё вмиг осрамит, а чтобы вот этак, до чёрного дела дойти — не припомнится такого. В общем, как стариками заведено, так и живём!

Вот за такими разговорами и проехали бондари полпути. Да только замолчал вдруг Сергун, призадумался. У него, видишь, дочка старшая была — Дуняха, из себя ладная, пригожая да работающая, о шестнадцать годов уж, а в девках ходила. Сам отец-то, надо сказать, не шибко об её сватовстве раньше думал, как-то всё — отроковица вроде, а она ведь вон уж, в молодую пору входить стала. Да и песни эти ему всю душеньку разбередили — как бы и с ней не вышло чего худого!

Отвернулся Сергун от поводиёв и впилился в синие глаза Шишову:

— А что, Степаш, у тебя ведь Лёшка-то на гулянья ходит?

Понял Степан, в какую сторону дружок разговор повёл, заулыбался:

— А чего не ходить-то ему, коли пора молодая? Ходит, и Дуняха твоя тудысь ходит.

— А ведь мне дед-то сказывал, будто Лёшка твой всё к ней ластится.

— Какой дед? Это тещь-то твой — бахоря² Ефим? Он же всё там при них толчётся — за девками доглядывает да частушками их веселит. А я тебе, Сергуня, и так скажу, без всякого деда: глянется моему сынку твоя дочка, и в супружницы бы он её взять не прочь, и мы бы с тобой породнились — славно бы вышло, да только не люб ей Ляксей-то мой. Ванька Тёплый ей мил, вдовицы Клавдии сынок, тот, что в прошлый год всё лето в шубе проходил, лихорадило его.

---

¹ Лабунятся — ластятся.

² Бахоря — весельчак, шутник.

Хмуриться стал Ванюгин на такую вестъ. Ведал он, конечно, что Дуняха его перед дружинным сынком кобянилась, да всё думал, что она этак девичью гордость перед ним выказывает, а она, видно, вон что удумала — Ваньку Тёплого в суженые метить!

Тепловы-то, и правду сказать, у нас бедновато жили, домишко маленький у них и хозяйство скудное, все в долгах как в шелках. Клавдия-то Теплова рано ведь овдовела, с двумя парнишечками осталась на руках, поднимала их в одиночку, тут уж не до жиру, как говорится. Да и Ванька-то сам, младший сынок её, на которого Дуняха запала, не красавец был. Он, видно, оспой переболел, всё лицо в рытвинах, рябенькое. Конечно, с лица воды не пить, а всё ж таки — вовсе не внушают такие виды, да и дочку ведь охота где получше пристроить. То ли дело — Шишovy! У этих всё складно да ладно, и дела у них в гору, и в семье один наследник — Лёшка. Есть, правда, две девки у них ещё, так ведь девки — ломоть отрезанный, девицу выдай замуж — и прощевай! Ступай из родительского дома в мужнины хоромы.

Думал так-то Ванюгин, раздражался, и от думок тех его чёрные глаза стали ещё чернее, будто злобой налились.

— Я думал, шуткует дед, а оно и вправду, видать. Дурища она, Дуська-то моя! Вотсе не чует счастья своего. Какого ей дьявола, прости Господи, надобно? Знаешь что, Стёпа, ежели на то пошло, никто особливо её не спросит. Как мы сговоримся с тобой, так и будет, а добром не пойдёт за твоего сынка — я её вожжами выучу. Будет знать, как родителю перечить!

Ванюгин от досады заводиться стал, а Шишов это заметил и хотел поначалу разговорами умаслить друга — да только где там... Тот уж на всю дорогу рычал:

— Я с неё... Я с неё спрошу! И пусть только попробует вякнет мне чего, я её выучу! Прибью её — стервь!

Поорал, поорал так-то, а как Дуняхи поблизости не было, скоро и остыл. Ну и начали Ванюгин с Шишовым кумекать,

как у них всё складно да ладно после свадьбы пойдёт, что молодым отойдёт, какое приданое, да как они сами заживут, породнившись. В общем, едут — сговариваются. Под конец на этом деле и вовсе развеселились бондари и вспомнили, что в узелке у них, среди харчей, лежал полуштоф горькой.

Время было обеденное, и денёк не постный — не оскормишься. Доехали мужики до покосного луга, лошадёнку в перелеске к берёзке привязали, а сами уселись недалеко под копной обедать. Развязали узляк, выложили на тряпицу картохи печёной, луку да хлебца с сольцой и склянку под эту закуску выставили. Сидят, обедают, самогон курят да разные байки друг другу травят. Много ли, мало ли времени прошло — закосели приятели, и захотелось им продлить хмельное. Решать долго не стали, отвязали кобылу и, в телегу прыгнувши, поехали по пути в стексовский питейный дом к Орловым.

Известное дело — время по пьянке бутылочной пробкой летит. Проторчали они в Стексово до вечера, упокоили в орловском кабаке ещё один полуштоф и, вовсе назююкавшись, с разухабистыми песнями поехали дальше. В Арзамас-то они глубоко затемно притащились, вывалились из телеги и давай ломиться в ворота первого попавшегося трактира, чтобы устроиться на ночлег. Из ворот на шум выскочил половой¹, принял у них лошадь с возом, а мужиков проводил в харчевную залу.

В трактире на то время тихо было: хозяина не видно — видать, спал уже, да и гости недавно отужинали да отпили, большинство разбрелось по комнатам на ночлег, а часть особенно тяжёлых так и осталась храпеть в питейной, кто на лавке, кто под лавкой, кто ещё где. Служка наших-то заранее предупредил, что комнат свободных нет и ночевать им придётся в общей зале. Время клонилось к ночи, а как искать другое пристанище ни сил, ни времени не было,

---

¹ Половой — трактирный слуга.

бондари согласились. Уселись на лавки за свободный стол супротив друг друга и затребовали у полового еды.

Мальчишка-прислуга скосоротился, да и говорит:

— Разносолов нету, гостюшки дорогие, из горячего всё смели: и щи, и кашу. Осталась вон похлёбка для дворни. Из подкопённыхчков. Нести?

— Тащи свою похлёбку, да по стаканчику бражки не забудь! — пробурчали бондари.

Мальчишка тут же скрылся за дверной занавеской, а Сергун глянул мутными глазами на совсем уж сморившегося Шишова и, еле языком шевеля, спрашивает:

— Что за подкопённыечки, Стёпа? Грибы, что ли?

Шишов, видно, мало уже что понимал, промычал чего-то невнятно и, придерживая ладонями голову, положил локти на стол. Ну, вскорости принёс им половой похлёбку, два ломтя ржаного хлеба и два стаканчика браги. Кое-как перекрестились мужики да с таким удовольствием поужинали горячим варевом, будто сроду ничего не ели, ну а после выпитой браги сразу свалились спать прямо тут же, за столом.

На другое утро поднялись мужики позднеенько. В трактире вовсю уже гомон стоял, люди кругом завтракали да похмелялись, а мальчишка-служка бегал промеж столов с полотенцем на локте и разносил сбитень в чайничке. Бондарям муторно было, они опрокинули по стакану огуречного рассола, заплатили за постой жирному трактирщику, запрягли лошадёнку и выехали в город.

Торжище в Арзамасе на ту пору знатное шло. Вся Соборная площадь была заставлена телегами с поднятыми кверху оглоблями, возами с овощами, столами и навесами с кустарным и съестным товаром, огромными бочками с мёдом, рыбой и икрой, что продавалась лопатами. Вокруг этого шла бойкая толчея со звериным рёвом продаваемой скотины, со звуками брякающей посуды, утвари и всякого разного вперемежку со спорами торговцев и покриками зазывал.

— Эй, мужик! Кабыздоха продаёшь или так отдаёшь?

— А вот семечки по воробью — подходи, карман набью!

— Эй, мужичок, плати четвертачок:

Детская игрушка — арзамасская Фёклушка!

И весь этот бесконечный гул перемешивался с колокольными звонами множества церквей и так нещадно дубасил по ушам наших мужиков, что тем и вовсе захотелось поскорее бежать оттуда очертя башку. Проехали они по улице мимо монастыря и свернули в проулок к Щепному ряду. В Щепном ряду знакомый купчик и принял у них весь товар. Помогли ему мужики перетаскать кадки в лабаз, рассчитались, договорились, когда в другой раз их ждать, и налегке поехали поскорее прочь из этого гвалта. Ну, выручку по совести поделили, конечно.

Ехали обратным путём молчком всё, злющие после вчерашнего. Головы трещат, будто поленья под топором, а тут ещё солнце, что сковорода, жарит, и жаворонки расчирикались — индо собаки лают. Ехали они, ехали так-то, водицей колодезной отпаивались и поравнялись с тем лугом, на котором давеча сидели.

— Слышь, Степан, а что это за подкопённички-то такие? — спросил Ванюгин.

Шишов глянул в сторону луга, где стояли копны травы, да и говорит ехидно.

— Подкопённички-то? Да это мы с тобой — два дурака, которые вчерась вон под той копной сидели да самогонку пороли!

— Будет шутить-то. Ну, право, сколь годов прожил, а не знаю ведь. Скажи.

— Ну что ты, не знаешь полёвок, что ль? Мыши полевые, под копнами живут.

Будто наизнанку вывернуло Ванюгина-то:

— Как под копнами? Как мыши?

Озверел от тех слов Ванюгин — бесится, хрипит:

— Поворачивай назад! В город! Я этому трактирщику башку отгрызу!

А сам вырывает у Шишова поводья.

Еле удержался Степан в кузове-то:

— Что ты? Что ты, Сергун? Что с тобой? Какой трактирщик? Чего он тебе сделал?

— Он не токмо мне, он и тебе сделал — накормил нас вчера похлёбкой с мышами! Ты что, не помнишь?

Тут уж и Степана заколотило:

— Да как же это, а ты что ж, змей, молчал, знал и не остановил меня?!

— Я тебя спрашивал вчерась, да ты же ведь мычал только! Ты же лыка не вязал!

Почти весь оставшийся путь бранились бондари, то друг на друга, то на трактирщика, то на служку его. В конце концов доругались до того, что решили в следующий раз, как в городе будут, пересчитать половому зубы. Но, по счастью, в другой раз не случилось им проучить служку. Постоялых дворов в Арзамасе пруд пруди, а в каком именно их похлёбкой потчевали, они так и не вспомнили — хмельные ж были. Так и перегорело!

К вечеру высадил Ванюгин Шишова подле его дома да попросил о случившемся никому не сказывать — стыдоба ведь.

Хмуρο простившись, Шишов лишь спросил друга:

— Когда, Сергуня, сватов присылать?

— Давай уж после Успения, чтобы к Покрову сладиться. Прощевай! — буркнул Ванюгин и погнал лошадь на другой конец села.

Въехал Сергун к себе в ворота, распряг кобылу, корму ей задал, повесил в сарае на крюк сбрую и пошёл в сени. Подойдя к двери, мужик опустил взор к порогу. У приступок ровнёхонько стояли Дуняхины кожаные коты. Сергун насутился и, развернувшись, побрёл в сарай за вожжами.